

Виктор Кривулин

Я М Б Ы

1. РЕСТАВРАЦИЯ

по неволе типографской
приказали наконец
подновить печальной краской
загородный праздничный дворец
и когда унылый колер
за решеткой разлился —
стало жить как поневоле:
как бы нужно да нельзя

2. НА ЯУЗЕ

в японских язвинах дождя
в заутреннем слабомолочном паре
всё вьется вьется Яуза ведя
сквозь нерабочий колумбарий
промышенного кирпича
и мнится будто я лечу
на острье того луча
что забывает про Свечу
когда затушена свеча

3. СТУДЕНЧЕСКАЯ ДЕМОНСТРАЦИЯ

прежние прежде всего керосином
пахли — и дегтем и ворванью — вёсны
и не представить каким агрессивным
каким угрожающе-взрослым
было студенчество сбитое в группки
у монумента Барклаю
о пастыра без Пастыря без мясорубки
Жизнь без конца и без краю!

4. ПИКЕТЫ МОРСКИХ КУРСАНТОВ ПЕРЕД ВЫСТАВКОЙ
АМЕРИКАНСКОЙ ГРАФИКИ В ФЕВРАЛЕ 1968 ГОДА

от символической весны
Парижской или Пражской
мы хорошо защищены
работающей пряжкой
того матросского ремня
какой - свистя и воя -
обрушился на меня
внесенного с толпою
куда-то... знает Бог куда -
уже и не припомнить
всё будто вышибло тогда
когда я звал на помощь

5. ПОДОЗРИТЕЛЬНЫЕ ХОЛОДА

подозрительные холода
исполнковский шухер насчет обогрева
суета по начальству законы смещаются влево
до отказа открытые краны - но где же вода?

мне твердят о гражданской позиции те же чини
что и прежде о том же твердили
если правда что э то подобие Пражской весны -
почему они воду с утра перекрыли?

6. ТО ЧТО МЫ ГОВОРИЛИ

то что мы говорили на грани
шепота и тюрьмы -
как-то странно звучит по центральной программе
словно мы - это больше не мы
но в зубах комментатора слово родное
как дурной перевод
на жаргон воровской на язык паранойи
на блатную музыку болот

7. ДЛЯ НИХ И ДЛЯ НАС

для них — таможенный контроль
а нам лишь Музыка! на пунктах неприступных
глухая торжествует боль
ее орган в уступах трубных
ее турецкий барабан
ее железный треугольник —
и я читаю по губам
о ч е м поется в песнях горных

ДВА НАТЮРМОРТА

1. ОДИЛОН РЕДОН. ВАЗА С ЦВЕТАМИ.

букеты Одилон Редона
под электронной охраной
распространяя запах пьяный
персидского одеколона
висят букеты и глазурью
фаянсовой правдоподобной вазы
я поражен я в оба глаза
гляджу похожий на глазунью
гляджу как водка на стаканы
из глубины своей зеленои —
и вижу свет не населенный
пустующий обетованный

2. НАТЮРМОРТ ВРЕМЕН ГРАЖДАНСКОЙ ВОИНЫ

селедка на газете
осьмушка хлеба нож без рукоятки
и всё это в жестяно-жестком свете
в рабоче-металлическом порядке
разложено занявши подоконник...

за стеклами творится Новизна
и в синеве — пока что не покойник
но скоро уже... вот его спина —
ораторствует некто надрываясь
над безраздельной толпой

и все-таки зачем-то оставались
ловили Свет — неслыханный скончай

НА ПРАЗДНИКЕ НАРОДНОМ

напрасной я на празднике народном
ищу мистериальный поворот
на красный свет или назад к животным
или в неведомый перед

мне повезло в отличие от многих
родители меня, больного, привезли
в Столицу Бывшую откуда всех безногих
неслышно вывезли на самый край земли

пустынны улицы. предчувствие парада.
звук не включен еще. кого-то молча бьют
~~врачи~~ возле моей парадной — и не надо
иных предутренних минут

я знаю что прошла — пережита блокада
мы счастливы. меня /я чувствую/ возьмут
сегодня вечером туда к решетке сада
где утоленье голода — салют

В НАЧАЛЕ ЖИЗНИ ШКОЛУ ПОМНЮ Я

В начале жизни школу помню я
чтобы забыть ее щасливые уроки
не хватит жизни: школа и семья
и волк за окнами — студеный генус ложки

не знали голода но коридор высокий
сиял и плавился и лысина плыла
директорская... молоком козла
вспоенные годы - ключи мои! истоки
позднейшего небытия

пороли редко. детские пороки
под форменной одеждой затая
мы погружали щуплые тела
в бассейн где жидкость ледяная
где антарктическое крошево Числа -
ненатурального - кружило обжигая

бывает мало неба наверху
зато повсюду лужи лужи лужи
переполняемые небесами
и я люблю вселенскую ольху
растущую из туч - когда не съешь хуже
дорог с ухабами и траковыми полосами

тогда сияет наше бездорожье
и осени первоначальной
короткая и дивная пора
повторена - с ее гусиной дрожью
и синевой необычайной
и даже кляксами слетевшими с пера

за четверть века пока я здесь
говорил о чем-то своем
вода похудела зеленая взвесь
наполнила водоем
и самое большее дюжина слов
исчерпывает всю глубину

озера где ночной рыболов
китайскую ловит луну
а то что мы твердили взахлеб –
выговорилось высохло до костей
и меня от ваших воротит европ
и от ваших расей
я вижу: на высоких шестах
поднимают гирлянды сушеных рыб –
это наши слова да в чужих устах
издают как вобла голодный скрип

ОТ ПОЖАРА ДО ПОТОНА

- И много книг погибло?
- Точного числа никто не знает,
но говорят, будто около 6 миллио-
нов единиц хранения, причем не сго-
рело, а залиты водой с какой-то
дрянью...
- Ничего, это еще только начало.

не рано ли горят библиотеки?
восстанье книг ведомое огнем
тем горше говорит о Человеке
чем больше напечатано о нем
пока у подавлено... расследуют начало
пожара – из глубин служебного двора
кубами, грудами вывозят самосвалы
еще горячее сгоревшее Вчера
четырехмерный пепел. небывалый
конгломерат. Священная гора
где смешаны газеты унциалы
разрозненные номера
партийного или парижского журнала
в единый Аарат в осмысленный массив...

сюда еще потопа не хватало —
чтобы любое чтиво упразднив
начать историю сначала!
чтоб новый Ной совместно с новым Хамом
демократический построили **новиег**
покуда океан смыкается над храмом
и мы уверены что каждый человек
достоин истины утерянной Адамом

XXX